

Культура. — 1994. — 8 окт. — с. 10

МОИ ТРИ ВЕЧЕРА

Культура. — 1994. — 8 окт. — с. 11

В «АРЕНА ДИ ВЕРО

«Итак, меня коснулось счастье. И мне посчастливилось узнать, что можно день за днем ходить на свидание с куском застроенного пространства, как с живой личностью», — Борис Пастернак, «Охранная грамота». Подписываюсь под каждым словом и не перестаю изумляться поразительной точности перевода смутных ощущений в четкие фразы, — ведь речь идет об Италии.

В последнее время мы стали значительно больше ездить, видеть. Никого уже не удивили названиями, раньше звучавшими, как сказка. И возникают уже «твои» места в мире, — особенно полюбившиеся, куда хочется возвращаться вновь и вновь. Для меня такой первой и непреходящей любовью оказалась Италия. Минувшим летом я впервые очутился здесь в новом качестве — абсолютно свободного, попросту говоря, нормального человека. Отдыхал, как обычно, у друзей в Риме, но был предоставлен самому себе и программу развлечений тоже придумывал сам. Мне пришлось в голову побывать на знаменитом оперном фестивале в Вероне. Какое-то время все оставалось даже не проектом, а прожектом. Но потом вдруг замысел начал воплощаться. Отдыхаю и купаюсь в город-

ке Пинетто. В руки случайно попадает популярный итальянский журнал «Дженте» — «Люди». В отделе культурной хроники наталкиваюсь на расписание спектаклей «Арены ди Верона». Мне везет: как раз в удобные для меня дни, 18 и 19 августа, идут «Набукко» Верди и «Норма» Беллини. Решено, я еду!

Затяга моя была, конечно, чистой воды авантюрой. Знакомых в Вероне у меня нет. В одиночку я по чужой стране никогда не путешествовал. Но надо же когда-то и попробовать. Сам выбираю маршрут: Пинетто — Анкона, Анкона — Триест, с остановкой в Вероне. Покупаю билет (второго класса, разумеется, к чему зря роскошествовать?), сажусь в почти пустой поезд и чувствую небывалый прилив самоуважения оттого, что стал таким, как все. После долгих лет вынужденного и привычного, к сожалению, для всех русских детски-паразитического образа жизни за границей, впервые — восхитительное чувство полной свободы и самостоятельности. Дорога вьется вдоль адриатического побережья. Взглянешь в окно, за ним бесконечная полоса пляжа и загорелые тела. Я еду по Италии. Можно ли было вообразить нечто подобное четверть

века назад?.. Кстати, именно тогда, четверть века назад, я был по другую сторону Адриатики, в Югославии. Смотрю на карту и понимаю, что проезжаю как раз мимо поразивших меня тогда городов, с их итальянской архитектурой, обилием неведомых фруктов, открытостью и приветливостью человеческих лиц. Не вижу, но знаю, благодаря карте, что поезд идет сейчас напротив удивительного Дубровника, главная улица которого разбита на две половины. Люди ухитрились сотворить со своей родиной то, чего не удалось даже Гитлеру... За другим окном — Римини, город, где похоронены Джульетта Мазина и Федерико Феллини. Отсюда же родом и знаменитая Франческа. По радио, слышу, рассказывают о премьере балета П. И. Чайковского на родине главной героини с итальянской балетной «звездой» Карлой Фраччи. Никаких шуточек, никаких намеков на солидный возраст актрисы, только радость от возможности увидеть ее на сцене...

Но прежде всего мысли в дороге заняты предстоящим устрояством в Вероне. Я немного говорю по-итальянски и готовлю текст для театрального распорядителя: русский артист, бывал в вашей стране

на гастролях, люблю итальянскую оперу, специально приехал на три дня, прошу помочь из чувства международной театальной солидарности. Таким мольбам уступил бы, наверное, даже президент республики. Шесть с половиной часов моего путешествия пролетели. Верона. На вокзальных часах — 17.40.

Беру такси. Вспоминаю, что в 1990 г., когда Владимир Васильев танцевал в Вероне гретта Зорбу, я жил у него в гостях, из окон его шикарных апартаментов я видел скромный трехзвездочный отель «Европа», хозяин которого был страстным поклонником Воллоди и Кати. Попробую туда. У таксиста в машине оказывается репертуар «Арены ди Верона». Сегодня на фестивале — «Аида», надо спешить. И снова мне везет, за стойкой тот самый балетоман. Лицом — вылитый Джузеппе Верди. Акцентрирую спасительные имена: Владимир и Екатерина. Эффект безупречен: «Гранде Катерина, граде Катерина!...». В поток восторгов я успеваю

вставить пожелание: мне бы комнату, побыстрее и не очень дорого. Через несколько минут я в уютном номере, до спектакля еще два часа. Привожу себя в праздничный вид и отправляюсь в театр заранее, мне ведь предстоит как-то решить вопрос с билетом. Надо сказать, что на Западе походы к администратору не приняты. Но в Италии, к счастью, пропуск можно добыть в службе, соответствующей нашей личности. Этому меня научил опыт Милана. И потому я не тыркаюсь в окошко администратора, не рвусь через служебный подъезд, а уверенно огибаю театр в поисках уфичего стампа — отдела по связям с прессой. Движение транспорта на прилегающих к театру улицах перекрыто, на белых лошадях гарцуют гвардейцы: синие мундиры, белые аксельбанты, красные лампасы, сапоги со шпорами. В воздухе стоих запах духов. Туалеты изысканны до вычурности, много смокингов. Правила «Арены ди Верона» вовсе не обязывают к такой торжественности, видимо,

зрители делают подарок самим себе. В личасти меня встречает респектабельный человек, держащий по-хозяйски. Ем, то я и выпаливаю сочиненный в поезде монолог. Слегка удивляется моему итальянскому, спрашивает, один ли я, вручает мне очень хороший билет туда, где сидит пресса, красочный каталог «Арены» и свою визитную карточку. Мой новый знакомый — директор по международным контактам синьор Маурицио Пуньялетто.

До спектакля еще есть время, обхожу театр, любуюсь знаковым зрелищем. Арена — ровесница римского Колизея, реке встречаются немецкие, а из наших здесь звучал только «Борис Годунов».

Время возвращаться в театр. Аншлаги. «Аиду» обожают туристы, это символ итальянской оперы, все равно как «Лебединое озеро» для русских веков, придавая всему особую теплоту. Оперный фестиваль проводится здесь уже семьдесят второй раз. Благодаря ему маленькая Верона стала одним из самых популярных итальянских городов.

Так что вопреки шаблонным представлениям в мире она славится не только как место, где разворачивается действие самой печальной шекспировской трагедии. Впервые оперный спектакль на арене в Вероне состоялся 10 августа 1913 г. Это была «Аида» Верди. С тех пор фестиваль прерывался лишь дважды и то по причине мировых войн. В 1946 г., опять-таки в «Аиде», на веронской арене начал свое восхождение Марио дель Монако. В репертуаре фестивали преобладают итальянские оперы, реже встречаются немецкие, а из наших здесь звучал только «Борис Годунов».

Время возвращаться в театр. Аншлаги. «Аиду» обожают туристы, это символ итальянской оперы, все равно как «Лебединое озеро» для русских веков, придавая всему особую теплоту. Оперный фестиваль проводится здесь уже семьдесят второй раз. Благодаря ему маленькая Верона стала одним из самых популяр-

ных итальянских городов. Так что вопреки шаблонным представлениям в мире она славится не только как место, где разворачивается действие самой печальной шекспировской трагедии. Впервые оперный спектакль на арене в Вероне состоялся 10 августа 1913 г. Это была «Аида» Верди. С тех пор фестиваль прерывался лишь дважды и то по причине мировых войн. В 1946 г., опять-таки в «Аиде», на веронской арене начал свое восхождение Марио дель Монако. В репертуаре фестивали преобладают итальянские оперы, реже встречаются немецкие, а из наших здесь звучал только «Борис Годунов».

Вместо обычных театральных звонков на арене разливается целое действо. В центре зала выходит человек в костюме соответствующей эпохи с большим гонимом. Круговая дробь, веский удар, как правило, аплодисменты, поклон и совершенно театральный уход. После трех ударов гасится свет, распорядитель выводит дирижера. В это время весь амфитеатр, как один человек, зажигает свечи. Зрители сами поддерживают эту

традицию, в театре свечи не продаются, ими запасаются заранее. Шипящее «Чш-ш-ш!», и зал, только что гудевший не хуже морского прибоя, мгновенно смолкает. Абсолютная тишина, в которой мерцают тысячи огоньков. Дирижер начинает даже тише того «пианиссимо», какое дал автор. Оглушенному современным ритмом уху возвращают естественное восприятие звука. У итальянцев не принято встречать аплодисментами выход «звезды» или шумно выражать восторг взятой нотой. «Наступить» на музыку — для них настоящее преступление. Незнающий или нетерпеливый будет немедленно ошкан. Тишина стоит вплоть до последнего такта и лишь тогда: «Браво!» — певцу, «Брав!» — певице и «Брав!» — если звучал дуэт.

«Аиду» мне уже приходилось слышать. Традиционная монументальная постановка — огромные колонны, сфинксы, массовка, хор. В сцене триумфа Радомеса выезжают колесницы, запряженные лошадьми.

Говорят, бывало, выходили даже слоны... Вдруг совершенно случайно вижу в программе русское имя — в спектакле занята бывшая солистка Большого театра Людмила Шемчук. Теперь она живет и поет в Вене, а мощный, насыщенный голос обеспечивает ей приглашение на самые престижные оперные сцены мира. После спектакля иду ее поприветствовать. Людмила удивлена, довольна, рассказывает, что собирается в Одессу — на празднование двухсотлетия города. Спрашиваю, почему не в Москву? Ответ лаконичен: не приглашают. На «Арене ди Верона» партию Отелло, в очередь с Пласидо Доминго, исполняет наш Владимир Атлантов. В одном из спектаклей Дедемонну пела Ольга Романько. И слушать их, и гордиться ими мы можем теперь, только попав за границу. Атлантов не был в Москве шесть лет — тоже не приглашают...

Мой второй день и второй вечер в «Вероне». 18 августа премьера — «Набукко». Эту

оперу я никогда раньше не слышал и о ее содержании не имел ни малейшего представления. Слышал, разумеется, знаменитый хор из третьего акта, и более ничего. Уже задним числом, в Москве, зашел в театральную библиотеку, познакомился с либретто. Шестой век до нашей эры. Иерусалим осажден вавилонским царем. Набукко вступает в город, и тут начинаются всевозможные любовные перипетии, подробности которых я не понял, даже прочитав либретто. Набукко поет на сегодняшний день первый баритон мира Ренато Брюссон, но чувствуется, что зал ждет хора из третьего акта. Кстати, до начала спектакля его очень красиво исполняла группа зрителей и сорвала заслуженные аплодисменты. Наконец, смею на декораций, третий акт. На сцене хор в 250—300 человек. Все в ниспадающих серых одеждах. Монументальная мизансцена, зал замер, слышно, как бьются сердца. Уже потом я узнал, что хор этот называется «Лети, мысль, на зор-

лотых крыльях». Но и без перевода было ясно, что звучит гимн человеческой свободе, достоинству и стойкости. Недаром эта музыка была гимном итальянских патриотов, и на протяжении ста лет дискутируется вопрос о том, чтобы придать ей статус государственного гимна Италии. После окончания — пятнадцать минут оваций. Хор стоит как вкопанный и затем бисерирует. Соединение высокой музыки, мощного хора, воздуха, звездного неба над головой создает непередаваемое ощущение величия и красоты.

Вечер третий. «Норма». Содержания, как выясняется, я тоже не знаю. Помню арию «Каста дива», несколько дуэтов и ансамблей. Сюжет более или менее вырисовывается в моем сознании: опять-таки после посещения в Москве театральной библиотеки: Галлия завоевана римлянами. Друиды готовят восстание и ждут сигнала жрицы — Нормы. Однако она любит римского военачальника, отца двух ее детей. Фабула постро-

ена на борьбе любви. В финале Норма кон бой. Аншлаги в теат этой опере туристы ны, зато ее обожают итальянцы. Тема об и освобождения для не столь актуальна, прежнему глубоко г «Норма» настолько г что на банкноте до в пять тысяч лир стороны напечатано жение Беллини, а ной — главной геро му поет Элизабет. Сначала я удивился ное меццо-сопрано принятого драматиче прано. Но, судя по в ным габаритам, это она, Норма (во вре мнил Марию Каллас и рат Кабалье). А вот и ние к «Каста диве» — сомневаться не прих

На «Норме» я виде одном из рядов с места в проход вд женщины. Вероятно, плохо. Мгновенно г бригада медиков, сделали укол и б

Культура. - 1994. - 8 окт. - С. 11

В «АРЕНА ДИ ВЕРОНА»

традицию, в театре свечи не продаются, ими запасаются заранее. Шипящее «Чш-ш-ш!», и зал, только что гудевший не хуже морского прибора, мгновенно смолкает. Абсолютная тишина, в которой мерцают тысячи огоньков. Дирижер начинает даже тише того «пианиссимо», какое дал автор. Оглушенному современным ритмами уху возвращают естественное восприятие звука. У итальянцев не принято встречать аплодисментами выход «звезд» или шумно выражать восторг взятой нотой. «Наступить» на музыку — для них настоящее преступление. Незнающий или нетерпеливый будет немедленно ошканен. Тишина стоит вплоть до последнего такта и лишь тогда: «Браво!» — певцу, «Брава!» — певице и «Бравии!» — если звучал дуэт.

«Аиду» мне уже приходилось слышать. Традиционная монументальная постановка — огромные колонны, сфинксы, массивная хор. В сцене триумфа Радомеса выезжают колесницы, запряженные лошадьми.

Говорят, бывало, выходили даже слоны... Вдруг совершенно случайно вижу в программе русское имя — в спектакле занята бывшая солистка Большого театра Людмила Шемчук. Теперь она живет и поет в Вене, а мощный, насыщенный голос обеспечивает ей приглашение на самые престижные оперные сцены мира. После спектакля иду ее поприветствовать. Людмила удивлена, довольна, рассказывает, что собирается в Одессу — на празднование двухсотлетия города. Спрашиваю, почему не в Москву? Ответ лаконичен: не приглашают. На «Арене ди Верона» партию Отелло, в очередь с Пласидо Доминго, исполняет наш Владимир Атлантов. В одном из спектаклей Дездемону пела Ольга Романько. И слушать их, и гордиться ими мы можем теперь, только попав за границу. Атлантов не был в Москве шесть лет — тоже не приглашают...

Мой второй день и второй вечер в «Вероне». 18 августа премьера — «Набукко». Эту

оперу я никогда раньше не слышал и о ее содержании не имел ни малейшего представления. Слышал, разумеется, знаменитый хор из третьего акта, и более ничего. Уже задним числом, в Москве, зашел в театральную библиотеку, познакомился с либретто. Шестой век до нашей эры. Иерусалим осажден вавилонским царем. Набукко вступает в город, и тут начинаются всевозможные любовные перипетии, подробностей которых я не понял, даже прочитав либретто. Набукко поет на сегодняшний день первый баритон мира Ренато Брюссон, но чувствуется, что зал ждет хора из третьего акта. Кстати, до начала спектакля его очень красиво исполняла группа зрителей и сорвала заслуженные аплодисменты. Наконец, смена декораций, третий акт. На сцене хор в 250—300 человек. Все в ниспадающих серых одеждах. Монументальная мизансцена, зал замер, слышно, как бьются сердца. Уже потом я узнал, что хор этот называется «Лети, мысль, на золотых крыльях».

Но и без перевода было ясно, что звучит гимн человеческой свободе, достоинству и стойкости. Недаром эта музыка была гимном итальянцы. Тема объединения и освобождения для них уже не столь актуальна, но по-прежнему глубоко почитаема. «Норма» настолько популярна, что на банкноте достоинством в пять тысяч лир с лицевой стороны напечатано изображение Беллини, а с обратной — главной героини. Норму поет Элизабет Коннелл. Сначала я удивился — типичное меццо-сопрано вместо принятого драматического сопрано. Но, судя по внушительным габаритам, это все-таки она, Норма (вовремя вспомнил Марию Каллас и Монтсеррат Кабалье). А вот и вступление к «Каста диве» — больше сомневаться не приходится.

Вечер третий. «Норма». Содержание, как выясняется, я тоже не знаю. Помню арию «Каста дива», несколько дуэтов и ансамблей. Сюжет более или менее вырисовывается в моем сознании опять-таки после посещения в Москве театральной библиотеки: Галлия завоевана римлянами. Друиды готовят восстание и ждут сигнала жрицы — Нормы. Однако она любит римского военачальника, отца двух ее детей. Фабула постро-

ена на борьбе любви и долга. В финале Норма кончает с собой. Аншлаги в театре нет. К этой опере туристы равнодушны, зато ее обожают сами итальянцы. Тема объединения и освобождения для них уже не столь актуальна, но по-прежнему глубоко почитаема. «Норма» настолько популярна, что на банкноте достоинством в пять тысяч лир с лицевой стороны напечатано изображение Беллини, а с обратной — главной героини. Норму поет Элизабет Коннелл. Сначала я удивился — типичное меццо-сопрано вместо принятого драматического сопрано. Но, судя по внушительным габаритам, это все-таки она, Норма (вовремя вспомнил Марию Каллас и Монтсеррат Кабалье). А вот и вступление к «Каста диве» — больше сомневаться не приходится.

На «Норме» я видел, как в одном из рядов с крайнего места в проход вдруг упала женщина. Вероятно, ей стало плохо. Мгновенно появилась бригада медиков, женщины сделали укол и бесшумно

унесли. Никакого замешательства, никакой возни, спектакль продолжался. Вообще точность и расторопность административных служб «Арены ди Верона» меня поразили. Между капельдинерами четко распределены обязанности. Недостаток один: проникнуть на спектакль без билета абсолютно невозможно. В остальном все нацелено на максимальный зрительский комфорт.

По окончании спектакля на сцену не выносятся ни единого цветка. На каждом шагу торгуют потрясающими букетами, но их принято дарить за кулисами или посылать на дом или в гостиницу. Толпы поклонников у служебного подъезда тоже не видно. Правда, в этом сезоне в Вероне поет мало «звезд». Итальянцы выплескивают свои эмоции несколько иначе — несмотря на поздний час (спектакли начинаются в девять вечера и завершаются за полночь), зрители не спешат по домам, а оккупируют близлежащие ресторанички. Благо на

площади вокруг театра — Пьяцца Бра, названной так в честь доносящихся сюда оглушительных криков, их предостаточно. Мне тоже хочется продлить себе удовольствие. Захожу в ресторан, заказываю пиццу и бокал пива и вновь с чувством глубокого удовлетворения отмечаю свою абсолютную похожесть на всех. Кто бы мог подумать, что быть просто, как все, — такое удовольствие. Мимо меня проходит маленький невзрачный человек с саквояжем, похожий на какого-нибудь уездного доктора из чеховских рассказов. Да это же главный тенор в только что слышанной мной «Норме»!.. Ничего загадочного, ничего интригующего. Вот разве что саквояж: интересно, что там — грим, ингалятор, а может быть, баснословный гонорар, о которых так любят поговорить у нас? С тенорами мне не очень повезло, но проведя в Вероне три волшебных дня, смешно жаловаться. Все позади. Завтра я уезжаю в Милан.

Дома, в Москве, у меня на столе — постоянно заветный каталог, подаренный синьором Маурицио. Изучаю репертуар будущего сезона: «Аида», «Кармен», «Риголетто», «Турандот», «Сельская честь», «Паяцы» и гала-концерт Хосе

Каррераса. Просто мечтаю, надеюсь и ничего не загадываю... И думаю о другом. Почему фестиваля, подобного веронскому, нет у нас в России? Разве феномен совпадения музыки, природы, климата возможен лишь в Италии? Затраты на проведение такого праздника окупилась бы очень быстро. Ведь Верона живет сезоном, два-три летних месяца обогащают ее на год вперед. Наша публика отучена от серьезной музыки, лишена огромного наслаждения. Есть и у нас места, где в прекрасные естественные декорации вписалась бы высокая музыка. И приедут туда и свои, и мировые оперные «звезды» — не за баснословные, а за вполне приемлемые гонорары, поскольку Россия не переставала и не перестает считаться страной великой культуры. Нужны лишь люди, готовые действовать, способные связать все воедино. Верона — крохотный провинциальный городок, масштаба нашего Клина. Но ведь сумел же кто-то сделать так, чтобы о свидании с ней вспоминали снова и снова и повторяли: мне посчастливилось... мне посчастливилось...

Федор ЧЕХАНКОВ.

РИМ — ВЕРОНА — МОСКВА.